

28/III-85

«Московская правда» 28 марта 1985 г.

Художник и время

Т Р У Д Д У Ш И

Созвониться и встретиться с актером почти невозможно. Не потому, что он этого не хочет или обуреваем «звездной» болезнью. Он чрезвычайно доброжелателен, но срочная, не терпящая отлагательства поездка на радио или телевидение, уже не говоря о непредсказуемости планов кинематографа, нарушают всю стройную предварительную схему дневного распорядка. Работа, работа, работа. Требуемая предельного напряжения всех душевных и физических сил. Без выходных и, практически, без отпусков. Ведь творческий процесс не знает регламента и для него не существует трудового законодательства. Если бы спросить актера: трудно ли вот так напряженно жить и работать и хотел бы он сам что-либо изменить в своей жизни, он, наверное, только смущенно пожал бы плечами и улыбнулся своей мягкой, ускользающей улыбкой.

О каждой роли Иннокентия Михайловича Смоктуновского написано множество статей, составивших в общей сложности целую библиотеку. Его называют «аристократом духа», отмечают «странную нравственную привилегированность» его героев, их «выделенность из всех, при отсутствии внешних знаков отличия», говорят о «лирическом эхе» его души, всегдашней «недоказанности» в раскрытии внутреннего мира его персонажей, идущей от глубокой веры актера в то, что зритель сам должен непременно дообразовать этого человека, добраться до его сущности, отгадать и постигнуть, а не просто «принять на духовное вооружение».

Казалось бы, при таком обилии литературы уже никаких тайн в творческой мастерской артиста не должно было бы оставаться. Ан нет, каждая новая его роль вновь повергает в изумление и зрителей, и критиков, и его коллег и партнеров. Есть что-то неуловимое, непредсказуемое во всем, что делает Смоктуновский на сцене, в кинематографе, на телевидении, на радио. Стихийность? Исключается. Хотя, если вспомнить великого русского трагика Павла Мо-

чолова с его тоже непредсказуемыми, потрясавшими зрителей взлетами творческого вдохновения, здесь можно было бы найти какие-то линии соприкосновения. Тогда интуиция? Бесспорно, однако не исчерпывающе. Высший класс мастерства? Да, конечно. Хотя актерской школы, как таковой, у него практически не было. Был изнуряющий труд. Труд души. Помноженный на талант, который, как говорится, от бога.

О нем давно ходят легенды. И не без основания. Уж если говорить честно, вся его жизнь — действительно легенда. Это сегодня молодой одаренный актер в двух-трех фразах может исчерпать свой путь к популярности: окончил актерскую школу, пригласили в кино, фильм имел успех. Для И. Смоктуновского все было иначе.

Родился в сибирской деревне на севере Томской области. Потомок ссыльных поляков, оказавшихся здесь после подавления варшавского восстания 1863 года. Переехал с семьей в Красноярск, где отец — могучий, красивый, веселый человек — работал грузчиком в порту. Жили трудно. Когда началась война, подростку было шестнадцать. Худенький, щуплый. Проводил на фронт отца и словно бы чувствовал, что больше его не увидит. Школу пришлось оставить — он был старший в семье. Попробовал учиться в фельдшерско-акушерской школе, в школе киномехаников, потом — военное училище, которое тоже не довелось окончить. А там и фронт. Воевал на Курской дуге, был на Днепровском плацдарме, попал в окружение, раненным бежал из колонны пленных. Каким-то чудом оказался на границе Житомирской области, где его, обессиленного, теряющего сознание, подобрала сердобольная женщина, дотащила до хаты, спрятала в подполье. Когда он немножко пришел в себя и окреп от парного молока и целебных травяных настоев, та же женщина свела его в подпольный штаб ближайшего партизанского отряда. Ему помогли перейти линию фронта, а

оттуда уже переправили в регулярную часть. Он воевал до Победы, дошел до Берлина. Две медали «За отвагу» и медали «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина» украшали гимнастерку двадцатилетнего сержанта, когда он возвратился домой с фронта. Надо было начинать жизнь с начала. Специальности — никакой.

Подумывал о лесотехническом институте, но, прослышав о наборе в студию при Красноярском театре, решил попытать счастья. И был принят. Но и здесь не доучился. Норильскому драматическому театру нужны были молодые актеры. Поехал туда. В пестрой труппе Норильского театра тех лет было несколько настоящих профессиональных актеров, одаренных и преданных своему делу. Они и стали первыми добровольными учителями еще ничего не умеющего, но жадно ловящего их уроки молодого Смоктуновского. Пребывание в Норильске было недолгим. Усвоив все, что он мог получить здесь, начинающий актер, по совету тех же своих добровольных педагогов, самостоятельно кинулся в переменчивые волны бескрайнего театрального моря. Грозный, Махачкала, Волгоград — на все это ушло несколько лет. В середине сезона 1953 — 1954 года он объявился в Москве. Безрезультатно обошел несколько театров. Повезло в Театре имени Ленинского комсомола, устроился на разовых без жилья и прописки. И вдруг договор на время в Театре-студии киноактера, а вскоре вызов на пробы в фильм «Солдаты». Утвердили на роль лейтенанта Фарбера. Сниматься начал с лета 1955 года, закончил съемки в 1956-м. Роль Фарбера оказалась счастливым выигрышным билетом. С нее начался поворот в его творческой и жизненной судьбе.

...А потом был князь Мышкин в «Идиоте» Достоевского на сцене Большого Драматического театра в Ленинграде, в сезон 1957/58 года, куда Смоктуновского пригласил «сам» Г. Товстоногов. Какой трудности была эта работа и сколько дала она

За большие заслуги в развитии советского театрального искусства и в связи с шестидесятилетием со дня рождения Президиум Верховного Совета СССР наградил артиста Московского Художественного академического театра СССР имени М. Горького народного артиста СССР Смоктуновского Иннокентия Михайловича орденом Ленина.

актеру, как в период репетиций «Идиота» он разом постигал и постиг все те уроки и законы актерского ремесла, которые дает в процессе систематической учебы школа, но которых ему не довелось получить, — знает и до конца осознает только он сам. Зато и результат был ошеломляющим. На другой день после премьеры Смоктуновский «проснулся знаменитым», как принято говорить в таких случаях.

Роли, роли, роли. Сколько их было потом? Свѣще семидесяти сыграно в кино и на телевидении, около пятидесяти в театре. Князь Мышкин, царь Федор Иоаннович (это уже в Москве, на сцене Малого театра), чеховский Иванов и щедринский Иудушка Головлевы на сцене МХАТа, а в кино — Гамлет, вершина мировой драматургии, предел мечтаний каждого актера. Самые сложные, самые загадочные роли

классического репертуара, разгадываемые каждый раз заново и режиссерами и актерами, но так и остающиеся недосягаемо таинственными в своей бездонной глубине.

Он играл их так, будто все, все знает о каждом, потому что он и есть Гамлет, Иванов, Иудушка, Мышкин, только не должен, не имеет права выносить до донышка свою душу на всеобщий суд. Пусть каждый из сидящих в зрительном зале сам додумает то, что не досказал ему актер. Ведь театр — это труд души не только тех, кто на сцене, но и тех, кто в зале. Только тогда театр выполнит свое высшее предназначение.

Смоктуновский лучше всех критиков сам объяснил этот феномен в одном из своих интервью: «Раньше в работе над ролью у меня скоро наступал такой момент: ну вот, дошел до стенки, герой исчерпан. А теперь я знаю: в стенке есть дверь, за ней другая комната, а там еще третья, четвертая. Не обязательно все двери открывать — должно быть чувство меры, художественной целесообразности, но важно, чтобы актер и через него зритель чувствовал: человек неисчерпаем, человек бесконечен».

А роли Смоктуновского в советском кинематографе? Его Деточкин в «Берегись автомобиля», Куликов в «9 дней одного года», композитор Антоний Манев в болгарском фильме «Барьер», снятом по переведенной и опубликованной у нас одноименной повести П. Вежинова. Разве поддаются даже самому исчерпывающему анализу эти его герои? В каждом из них актер выразил не только определенный человеческий тип, неповторимость характера. Он выразил в них свою и их сопричастность времени, черты, присущие определенной эпохе.

Художник и время. Они связаны невидимыми, но неразрывными нитями. И чем нити крепче, тем ярче творческая индивидуальность художника. Они не связывают его, они помогают ему встать на крыло. И тогда он взлетает могуче и вольно для высокого и мощного полета.

Н. БАЛАШОВА.

На снимке: И. М. Смоктуновский.

Фото И. Александрова.